

Бигельды ГАБДУЛЛИН

МАРАЛЬ

(ОПАСЕН, НО НЕВИНОВЕН)

Судебный роман

Продолжение. Начало в № 9, 2024.

Человеческое месиво

Арест Хана вызвал в обществе и особенно в журналистской среде настоящий шок. Публикации выходили одна за другой. И главные медиа страны, и таблоиды пестрели почти одинаковыми заголовками о деле, заведенном на известного журналиста. Почти сразу было составлено открытое письмо общественности и вывешено на сайте, где все желающие могли подписаться. В нем подчеркивалось, что ни один критический материал газеты Asia Times и интернет-портала «Радиорубка» не был оспорен в суде или признан недостоверным в судебном порядке. И задавался вопрос, следует ли трактовать позицию Антикоррупционного ведомства так, что любая критическая публикация отныне является информационной атакой? Общественность требовала ответа на вопрос, кто анализировал все материалы Asia Times и «Радиорубка» на предмет исключительной положительности или преимущественной критики. Есть ли вообще хоть какой-то анализ под этими утверждениями, или доказательства под них «будут добыты» потом? Или они «добываются» сейчас в ходе допросов и обысков, которые, как фиксировали адвокаты, проходили с многочисленными нарушениями прав Хангельды Жумабаева, что уже сказалось на его здоровье? Кроме того, указывалось, что «Радиорубка» не заключала договоров по госзаказу с управлением внутренней политики области, на основании заявления которого было начато расследование. Вместе с тем высказывалась надежда, что представители акимата сами выступят в прессе или проведут пресс-конференцию, на которой доказательно расскажут о давлении на них главреда популярных изданий, о том, как они «лоббировали компании Жумабаева и обеспечивали заключение договоров о государственных закупках».

Адвокат, представляющий интересы газеты Asia Times, подтвердил, что у газеты не было договоров на выполнение государственного заказа с акиматом. Он же сообщил, что прокуратура не усмотрела поправа закона в действиях следственной группы. Обеспокоенность арестом Хана выразил и Международный казахский ПЕН-клуб. В своем заявлении организация высказала опасения, что преследование Жумабаева связано с его критикой в адрес чиновников, и призвала освободить его, если не будут предоставлены четкие доказательства совершения уголовного преступления в соответствии с международными стандартами. В заявлении организации отмечалось, что арест Жумабаева выделяется в свете сложной ситуации со свободой слова в стране. За последний год несколько других журналистов были арестованы и привлечены к ответственности по сомнительным основаниям.

Вышло заявление и от международного информационного агентства «Фергана», не пропустившего громкого события. Президент международного фонда

защиты слова «Адилет» Татьяна Калинина, адвокат Алматинской коллегии адвокатов Аралбай Салимжан и журналист газеты Asia Times Кенжетай Тахилия дали пресс-конференцию – рассказали представителям СМИ о некоторых подробностях ареста известного казахстанского журналиста, а также высказали свои профессиональные позиции.

– Это дело вызывает очень большие вопросы и сомнения, – заявила Татьяна Калинина. – Отмечу, что деловая репутация порочится тогда, когда публикуются недостоверные сведения, а сама недостоверность распространенных сведений доказывается в суде. Ни одного обращения по критическим публикациям не было. Значит, все публикации и изложенные факты достоверны. Об оскорбительности речи не идет.

Высказывались и коллеги, друзья, просто знакомые. Не молчали и правозащитники, негодование и возмущение лились рекой. Все в один голос изумлялись тому, что «небедный человек» Жумабаев вообще мог пойти на коррупционное преступление. Пользователи соцсетей в Казахстане также активно обсуждали новость о задержании известного журналиста.

Между тем издания Asia Times и «Радиорубка» заявили, что Хан не мог вымогать государственный заказ. Казалось, что никто в стране просто не верил в то, что Хан ответственен за то, в чем его обвиняли. Никто, кроме тех, кто всё это затеял, но для них закон – что дышло...

Шагнув в камеру, Хан был поражен не столько вонью, сколько духотой и влажностью воздуха – как в выгребной яме в душный осенний день после дождя. Он будто спустился в настоящий погреб. Камера площадью примерно пятнадцать на восемь метров сплошь была заставлена двухъярусными шконками. С потолка капала вода, на стенах цвела иззелена-синяя плесень.

В камере, где горел ночной свет, в смутном мареве перед ним предстало подобие человеческого месива. Кто-то стонал, кто-то кричал, кто-то храпел, громко выпуская воздух. В первый миг показалось, он попал в огромную братскую могилу, куда сбросили полуживые трупы. Открывшаяся картина один в один повторяла полотно Пабло Пикассо под названием «Склеп».

У него закружилась голова, сознание пасовало перед такой откровенной натуралистичностью. А он всё стоял у входа, не зная, что делать и куда идти.

Но так продолжаться не могло, пришлось всё же собрать волю в кулак, и он вполголоса произнес:

– Салем, пацаны! – И бросил на пол матрац, который сжимал под мышкой.

Ответом ему была тишина.

– Хотите кушать? – уже живее спросил он, и сам понял, как устало и сипло прозвучал голос.

Поначалу казалось, ему снова никто не ответит, но тут с одной стороны послышался вздох, с другой – сдавленный писк, и в одну секунду натянутые на головы одеяла были сброшены и с кроватей соскочили люди.

Не теряя времени, они толпой бросились к небольшому столу у стены, куда он положил пакет с продуктами. Там были манты, вареная конина, хлеб, пара бутылок кока-колы.

Оглядев этих торопливых, голодных и не особенно чистых людей, он не стал подавать руку. Природная осторожность предостерегала: знай, до кого дотрагиваешься... Парни сами один за другим протянули свои огрубелые ладони и поздоровались. Хан назвал свое имя. Не пытаясь казаться крутым, по-видавшему немало в жизни, признался, что он в тюрьме первый раз. На воле не общался с сидевшими людьми, поэтому не знает, как себя вести. Но будет

следовать арестантским законам. Видимо, его слова произвели на молодых сидельцев благоприятное впечатление. Исполдволь глянув на пацанов, он понял, что те довольны. Они с шумом и восторженными возгласами наперегонки поедали его угощение, и тут за дверью раздался грозный окрик дежурного:

– Э-э, почему не спим?! Завтра покажу вам кузькину мать!

Сокамерники вмиг разбежались по шконкам. Хану показали на нижнюю. Он начал устраиваться, не зная еще, что эти грубые и измороженные парни через неделю станут для него близкими и в какой-то мере родными.

Сосед по имени Сабыр, молодой парень двадцати лет, любезно помог разобратся с постельными принадлежностями. Когда разворачивали матрац, на пол со звоном полетели железная тарелка и кружка. Кто мог знать, что их сунули туда?! Костюм, рубашку и брюки, туалетные принадлежности пришлось повесить на гвоздь.

«Что будет, то будет! О Аллах, дай мне сил выдержать и это испытание. В моей жизни случилось немало трудностей, невзгод, но такой удар я принимаю впервые!» – такими буравящими мыслями терзался Хан. И всё же усталость переборола возбуждение. Уже засыпая, он вспомнил пару сур из Корана и тихо прошептал их. Вскоре крепкий, свинцовый сон сковал его, камнем придавив до утра. Но едва он уснул, как сквозь глубокий сон услышал протяжную команду «Подъем!». В первые секунды не мог понять, где находится. Увидев кровать над собой, решил, что опять загремел в армию.

Просыпаться не хотелось, Хан прикрыл глаза и вновь погрузился в блаженный утренний сон: некоторое время упивался покоем, конечно же, это было приятное состояние души и тела. Однако вокруг него началась суетливая возня: говор, громкое и протяжное зевание – это просыпались сокамерники. Но он не спешил выбираться из постели. И лишь после того, как донесся очередной грубый вопль «Восемнадцатая камера, подъем!», Хан быстро очнулся и, оказавшись с глазу на глаз с явью тюремной реальности, спертым, душным воздухом, четко осознал, что находится в тюрьме.

Обитатели камеры лениво повылезали из постелей и гуськом потянулись к единственной параше, чтобы справить утреннюю нужду. Хан тоже направился туда, но, увидев длиннющую очередь, решил не терять времени, взялся заправлять постель.

Сабыр, как уже опытный затворник, показал ему, как это делается. В этом нехитром на первый взгляд действии были свои нюансы, скажем, требовалось по-особому подоткнуть синие тонкого шинельного сукна одеяла под края куцых матрасиков, хорошенько натянуть, аккуратно повесить вафельное полотенце.

В камере обитало восемнадцать арестантов. Дежурный принес ведро с тряпками, каждый заключенный мыл пол под своей кроватью. Оставшееся пространство протирал сам дежурный. Сокамерники то ли из уважения к возрасту Хана – он был в два-три раза старше их, – то ли из-за ночного угощения вежливо предложили, чтобы он не беспокоился насчет уборки, не прикасался к тряпке. На миг стало неловко и даже стыдно, но он согласился. Трогать склизкую вонючую тряпку в самом деле желания никакого не было. Не успели толком убраться в камере, как в коридоре раздался грохот приближающегося агрегата.

– Завтрак везут! – пояснил Сабыр.

Но перед этим в оконный проем двинулся бампер стальной тележки, на которой был укреплен мусорный бачок. Зэк из «хозбанды» с угрюмой физиономией тонким голосом выкрикивал: «Мусор!» Он ловко опрокидывал пластиковые пакеты с отходами внутрикамерной жизнедеятельности в бачок и двигался дальше. Вслед за ним уже подъезжал «баландер».

Услышав призывный грохот, толкая друг друга и напирая сзади, сокамерники нетерпеливо столпились у окошка. Видно было, что получение этой скудной пищи тут главное событие дня. Взяв порции сечки и чая, пацаны разбрелись по камере. В основном ели стоя. Небольшой стол вмещал около десяти человек. Как заметил Хан, тут уже существовал свой табель о рангах: некоторые из арестантов-старожилов, согласно этому, застолбили удобные места за столом, рядом с ними крутились «шныри»-подхалимы. Когда все пацаны получили свои пайки, Хан не спеша сунул свою миску в дверную дыру, раздатчик закинул туда черпак каши, а в кружку на две трети плеснул горячей прозрачно-коричневой субстанции. На запах и вкус она напомнила чай, правда, для этого требовалось изо всех сил напрячь воображение. Хан отошел в сторонку и попробовал кашу. Она была прогорклой, с гнилостным душком, какой бывает, когда крупа уже начинает покрываться плесенью. Не став это есть, он выпил жидкость, а кашу вывалил в мусорное ведро. «Будем считать, что позавтракал!» – успокоил он себя и спросил у Сабыра, что делать с миской и кружкой.

– Не понял?

– Чем и как мыть посуду?

– Вон хозяйственное мыло, там же туалетная бумага, ими и помоешь посуду. Не теряйте ложку! Это ваша собственность в СИЗО. Украдут – будете хлебать языком! – подал ему ценный совет опытный сосед.

Век живи – век учись! После завтрака пацаны засуетились, потом начали строиться в две шеренги. Хан, как новенький, догадливо занял крайний левый фланг. Это шла подготовка к утренней проверке.

Первая проверка и... «пожар»!

Пацаны препирались друг с другом, дурачились по-детски: сзади стоящие довольно больно тыкали кулаками в передних. И тут громко заклацали засовы двери, и в камеру быстрым шагом вошли офицер и два сержанта.

Дежурный принял стойку «смирно» и, повыше подняв голову, отрапортовал старшему по званию:

– Дежурный по камере Арман Сагитович Кокрекбаев. Подследственный, статья *такая-то*, пункт *такой-то*. В камере восемнадцать человек. Жалоб и заявлений нет...

Голос его оборвался, когда он получил неожиданный сильный удар под дых. Это бесчинствовал офицер.

– Чё не брит?! – недовольным голосом рявкнул он.

Дежурный рухнул на пол, и, пока он лежал, корчась от боли, скрученный, свита как ни в чем не бывало двинулась вдоль строя. Каждый арестант, перед кем приостанавливался офицер, докладывал этому извергу, что он такой-то, подследственный по такой-то статье, жалоб и заявлений не имеет.

Наконец свита тюремщиков оказалась перед Ханом.

– А это что за фраер в костюме? – прорычал офицер.

– Новенький, – спокойно ответил Хан, не пряча взгляда.

– Вижу, что не старенький! Фамилия, статья?

– Жумабаев Хангельды Жумабаевич. Статью не помню.

Офицер пришел в бешенство, это явно было видно по побагровевшим ушам и напрягшимся желвакам на синеватом то ли от освещения, то ли от бритвы лице. Видимо, он впервые слышал такой ответ.

– Где вы отыскивали такого пижона в очках, сержант?! – С особым возмущением он посмотрел на подчиненных, затем осыпал Хана грязными ругательствами.

Хан тоже был вне себя от его оскорблений, чуть не лопался от гнева. Вероятно, его собственные уши побагровели сейчас совершенно аналогичным образом. Хотел достойно ответить этому грубияну в погонах, но тут увидел, как сержант за его спиной прикладывает палец к губам – молчи, мол. Да, стоит возмутиться – и его неминуемо ждет карцер.

Офицер грозным взглядом посмотрел на арестантов, потом направился проверять чистоту в камере, заправку коек, искать запрещенные предметы. Не нашел и докопался до одного измытаренного арестанта – вытянутыми пальцами ударил в кадык и злобно прорычал:

– Чё вылупился, чепушила? До сих пор не знаешь, как вести себя перед начальством? Ну-ка, назови мое имя и должность!

Бедолага, видно, был со стажем, он отчеканил имя и должность стоящего перед ним остолопа. Недоумок остался доволен и скоро покинул камеру. Все с облегчением вздохнули. За ним потянулись подчиненные. Но сержант, который умерил гнев Хана, чуть задержался и, оглядев арестантов, гнусаво изрек:

– Сволочи, я вам покажу, как нарушать режим дня! Разберусь с вами! А пока долбите на память состав тюремного начальства!

Пацаны не стали расходиться. К этому времени дежурный по камере пришел в себя и обиженным голосом начал выкрикивать имена, фамилии, отчества, должности двенадцати человек. Это был полный состав начальства СИЗО.

– А зачем заучивать эти имена? – обратился Хан к соседу.

– Узнаете потом. Когда подойдет кто-нибудь из этих гадов и спросит, вы в любой момент должны назвать имя, фамилию и должность всех, кто в том списке. Не ответите – прямоком в карцер, – пояснил он.

И вот они уже который час торчат в строю и истощным голосом повторяют за дежурным: начальник... первый заместитель начальника, заместитель по оперативной работе... и так далее. Через пару часов им всем сделалось настолько тошно, что арестанты готовы были лезть в петлю!

«Мазохизм какой-то! Зачем заучивать фамилии балбесов, которые забудешь, как только покинешь эту проклятую камеру? На худой конец, заучивали бы фамилии членов правительства!» – недоумевал Хан. Вспомнился вдруг «Мертвый дом» Достоевского, где говорилось, что если арестанта заставить много раз переливать воду из ушата в ушат, то от этой бесполезной работы он непременно покончит с собой.

«Нет, не дождетесь!» – сказал про себя Хан, медленно вползая в арестантские будни.

Вновь заклацали железные засовы. Арестанты вытянулись в две шеренги по команде дежурного по камере. Он, как положено, отрапортовал вошедшему старшему сержанту, что «жалоб и заявлений нет».

– Это старший по корпусу, старший сержант Сержан Аубакиров, – прошептал сзади Сабыр. – Он тут полубог!

– Я вам покажу, как нарушать порядок! Кто вчера вставал после отбоя? – разъяренно заорал он, и его резиновая дубинка прошлась прямо по голове одного из арестантов.

Строй замер, каждый ждал удара.

Он еще громче повторил свой вопрос.

– Ну, раз так! – Вытащил из кармана лист бумаги, поджег её зажигалкой и изо всех сил крикнул: – Пожар!

Хан смотрел на эту сцену и не мог уяснить, что за цирк, что всё это значит. Но это был не цирк и не шутка! Это было очень серьезное испытание для всех!

А тем временем сокамерники стремглав бросились по своим шконкам, свернули в трубочку матрацы и сломя голову побежали на выход. А по пути им доставались гжучие удары сержантской дубинки.

– Чего стоим?! Ждешь особого приглашения? – рявкнул на Хана сержант.

Что ему оставалось делать? Он повторил действия своих сокамерников и в одной рубашке, весь потный, побежал вдогонку. Их выгнали на улицу, точнее, это был прогулочный дворик размером пять на пять метров. Стены бетонные, сверху натянута стальная проволока. Мороз около тридцати градусов, порывистый ветер. Вслед за Ханом вышел и старший сержант Аубакиров.

– Еще раз говорю вам, тварям недорезанным, что гадом буду, но научу вас уважать порядок! Итак, начали приседания! Раз, два, три! – И он начал неторопливый счет. – Приседаем, приседаем! Ниже! Ниже! Тридцать один, тридцать два... сорок!

При счете «сорок шесть» хлипкого телосложения паренек-фитиль перестал выполнять команду сержанта. Он побледнел, руки и ноги у него пошли ходуном, матрац медленно сполз на снег.

Скоро Аубакирова сменил другой конвоир-сержант.

– Не могу больше, гражданин начальник, – задыхаясь, произнес щуплый паренек.

Сержант, не жалея, со всего размаха огрел дубиной изнуренного арестанта по спине, тот упал, как сноп, лицом вниз, но матрац спас его. Иначе он бы раскроил голову. А пацаны продолжали приседать уже из последних сил. Хан переживал за свои легкие, поясницу, простату. Легкие защищал матрац, который он обнимал как любимую жену, но мороз беспощадно пробирал спину. Сержант перестал считать. Арестанты, замученные такой бешеной нагрузкой, покачиваясь, приходили в себя, как вновь прозвучала команда: «Ложись! Упор леж! Отжимаемся!» Ничего не поделаешь, пришлось подчиниться: лучше так, чем получить безжалостный удар дубинкой. И так продолжалось несколько минут. Потом сержант-изверг заставил опять приседать. Когда они вконец выбились из сил и уже не могли шевелиться, истязатель тихо произнес сквозь зубы:

– Не дай бог! Повторяю, не дай бог еще раз нарушите распорядок дня, команду «отбой», такие «пожары» продлятся до потери сознания. А теперь в камеру бегом марш!

Загнанные, замерзшие, пацаны забежали в омерзительно душную камеру, которая после сержантской экзекуции показалась им просто раем.

– Заправить постель и учить командный состав. Проверю, кто ошибется, сразу загремит в карцер! – пригрозил он, покидая камеру.

И снова началась тошнотворная долбежка имен – особая тюремная муштра, для того чтобы арестанты были заняты «полезным делом». Дежурный по камере, охрипший, уже не годился в качестве запевалы. Заметив его слабину, в середину вальяжно вышел высокого роста парень, который строил из себя блатного, выхвалялся, мол, знает эковские законы. Парень и продолжил громогласным голосом выкрикивать:

– Начальник лагеря...

Вновь загрохотали двери, это вернулся старший по корпусу, старший сержант Аубакиров. В камере все уже стояли по команде «смирно». Он молча прошел вдоль строя и потом скомандовал:

– Новенькие, шаг вперед!

Хан шагнул вперед.

– Направо!

Хана вывели из камеры, и тут вновь прозвучала команда:

– Лицом к стене!

Краем глаза заметил, что рядом так же стоят еще два парня. Видно, такие же новенькие, как он, решил про себя Хан. Так они простояли минут десять, после чего их сопроводили в каптерку, потом завели в комнату, где на четырехэтажных

полках громоздились сумки, рюкзаки, баулы, в основном полосатые, из китайского ширпотреба. В каптерке их собралось шестеро, все, кроме Хана, молодые парни лет двадцати пяти.

– Значит, так! – гаркнул Аубакиров. – Слушайте меня внимательно. Все поняли, что находитесь не в пионерлагере? Вы в карантине! В ка-ран-ти-не! Здесь мы готовим вас к режиму пребывания в СИЗО. Тут вы проваландаетесь около пятнадцати суток. Не меньше. Я буду требовать от вас неукоснительного выполнения распорядка дня! – Тут он неожиданно врезал под дых зазевавшемуся дохляку, стоявшему слева от Хана. – Не отвлекайся, ворон будешь дома считать! Если нарушите дисциплину, применим физическое воздействие дубинкой и приемами боевого самбо. Это позволяется. Сегодня вы получите инструкцию «Правила поведения лиц, содержащихся под стражей и осужденных». Заучите их наизусть! Сейчас вы пройдете медосмотр, сдадите кровь и так далее.

У дверей показалось четверо молодых арестантов, которых привел другой сержант. Все запуганные, полусогнутые.

– Гражданин начальник, разрешите обратиться!

– Говори!

– Можно взять сигареты в рюкзаке?

– Надо говорить «разрешите»!

– Разрешите...

– Разрешаю!

Парни проходили мимо сержанта Аубакирова, когда дубинка, совершив стремительную дугу в воздухе, хлестко припечатала переднего арестанта.

– Надо еще раз просить разрешения, чтобы пройти мимо начальника, салабон!

Аубакиров еще раз резко ударил переднего и вернул его обратно:

– Тебе не хрен курить! Иди отсюда!

Пацаны суетливо рылись в куче беспорядочно сложенных сумок, пытаются отыскать свое барахло. Наконец они выудили сигареты и, получив добро на выход, выбежали на прогулку.

– Кому я врезал – это насильник! – прокомментировал Аубакиров взрыв своей ярости. – Тварь! Изнасиловал молодую женщину на глазах её пятилетнего сына!

Вся процедура заняла у них около трех часов. Оказалось, что снятие отпечатков пальцев еще унизительнее, чем обыск. Пальцы обмазывают черной краской, затем снимают отпечатки на бумаге. Процесс называется «игра на пианино». Потом арестанта фотографируют в профиль, в фас, а под конец заводят в сырой предбанник, где стоит стул и старое-престарое зеркало, в котором практически не видно собственного отражения. Там ждет зэк из «хозбанды» и в считанные минуты успевает обкорнать волосы под «ноль».

Глянул Хан в зеркало на себя лысого и невольно вспомнил далекую весну 1974 года, когда перед отправкой в армию его так же подстригали наголо. Но тогда это проделывалось весело, под общий хохот призывников. Тогда он был молод, легок на подъем, обласкан жизнью. А сегодня ситуация была иная, не располагающая к смеху – покатилося колесо глумления: врачи, дактилоскопия, фотографирование, опять врачи – раздвинь ягодицы, открой рот, закатай плоть, сними трусы, носки и так далее.

Ближе к обеду его, усталого, измороженного, завели в камеру. Открылось окошко, принесли кормежку. И снова пацаны с мисками ринулись туда. Как всегда, образовалась толкучка. «Не понимаю их! Ведь, по сути, они же не видели настоящей очереди советских времен. Куда они прут?! Всем же достанется эта похлебка!» – недоуменно размышлял Хан, неторопливо доставая

свои миску и ложку. На обед давали жидкий куриный суп и перловку. Хан немного поел первого, а перловку, так как не любил её с детства, отдал какому-то изможденному арестанту.

Хан глядел на сокамерников и думал, до какой же степени они ему чужды. Кто-то сидел на полу, полностью погрузившись в свои грустные думы; кто-то, собрав за кухонным столом несколько слушателей-ротозеев, травил байки; а самый неутомимый и рискованный прямо у стены, куда не доходило око видеокамеры, точил напильник. Еще кто-то выдавал анекдоты и сам хохотал громче всех. Ни о чем не думают, нет у них никаких забот, тревог, волнений, словно попали на курорт. Сможет ли он привыкнуть к житию-бытию среди этих молодых бандюг? Невыносимо тут было решительно всё: и запах застоявшейся плесени, и вонь параши, и нестерпимая духота. Но больше всего изнуряла сырость, проникающая во все поры тела. Находясь в скученной камере, невольно общаясь с арестантами в мокрично-сукровичных стенах, когда все вещи от сырости, от плесени, от застоявшегося воздуха становились волглыми, среди этой нестерпимой скуки, тесноты, при невыносимой тупой муштре и дрессировке, он, привыкший ко всяким удобствам и прелестям жизни, взял на себя обязательство выжить – выжить, чего бы это ни стоило. Он должен выдержать всё, выстоять во что бы то ни стало. Сокатерники по отношению к Хану вели себя вежливо. Подходили, знакомились, спрашивали, за что арестовали. Им интересно было пообщаться с журналистом. Многие из них впервые встречались с таким человеком.

«Жумабаева – в карцер!»

В неурочный час, когда арестанты несколько расслабились и каждый был занят собой и своими думами, в камеру ворвался майор, окруженный эскортом надзирателей. Всё это было так неожиданно, что в сутолоке и толкучке Хан не успел встать в строй.

Глаза майора расширились от гнева, и он рявкнул, подыскивая точные слова:

– А этот откуда взялся? – Майор злобно посмотрел на него, потом на Аубакирова.

– Это новенький, товарищ майор! – ответил Аубакиров.

– Он что, не знает правил поведения арестанта в камере?

Хан хотел представиться и объяснить причину своей нерасторопности, но майор срывающимся на крик голосом произнес краткую энергичную речь, в которой красной нитью сквозила мысль «вам здесь не курорт!» и завершил хлестким:

– В карцер его! На пять суток!

Приказ офицера Хан воспринял спокойно, хотя внутри у него всё закипело. Он уже был доведен до такого состояния, что мог запросто растерзать щеголеватого майора, но вынужден был взять себя в руки. К нему пришло понимание, что тот выполнял приказ свыше прессовать его, пока не станет шелковым. «Это только начало, значит, надо держаться. Выше голову, Хангельды! У тебя нормальные зубы, ты практически видишь без очков, и желудок, и сердце, и другие органы, слава Аллаху, работают неплохо. Жизнь продолжается, даже когда её, в сущности, нет!» На самом деле разум его возопил, но даже сквозь этот безмолвный крик он сознавал, что и в беспомощном состоянии выше этого офицера, ведь он свободен духом.

Хана тут же выставили в коридор и под конвоем повели в другой корпус. На улице стоял жуткий мороз, который превращал слюну в лед прямо на лету. Вскоре стужа добралась до каждой клеточки тела. Он уже утратил возможность думать, анализировать происходящее, когда его ввели в здание соседнего корпуса. Дальше его потащили по каким-то закоулкам, длинному коридору, где проворные и опытные зэки из хозбанды тщательно протирали пол. Помещался

карцер на третьем этаже, куда не проникал солнечный свет. В продоле снова ли надзиратели. Хан глянул на них с ненавистью, словно на каких-то чудовищ. Они строили из себя неподкупных блюстителей закона. Бряцали наручниками, пистолетами Макарова, размахивали дубинками. Расхаживали, громко пукая, отводя локти от туловища, как будто из подмышек торчали запасные магазины автомата Калашникова, мешая двигаться, – обычно так понтуются старослужащие в армии. С лязгом брякнули стальные замки, отдаваясь эхом под сводами облешего потолка, пискнула мышь – постоянный обитатель тюрем. Его грубо втокнули в тесную темную камеру. Хан ожидал одиночки размером три на четыре метра, в какой сидел на губе еще в советской армии. Размечтался. Это был стоячий карцер, который имел такую площадь, на которой человек может только стоять, и то опустив руки вдоль туловища. Сесть там невозможно, для такого удовольствия попросту нет места. Для полного антуража не хватало только ледяного душа над головой, который время от времени оживлял бы узника. Конвоир закрыл дверь, замкнул засовы, напоследок внимательно посмотрел через дырку. Лампочка послушно тихо погасла. Хан оказался в полной темноте. Хан испытал отвращение к майору-садисту, ни за что посадившему его в этот стояк. Позже узнал, что майора зовут Сахиев Мурат Агатович, должность – заместитель начальника СИЗО по режиму и охране.

– Ну, вот и прибыли! – произнес он и поднял взгляд на потолок. На глаз, на запах самая обыкновенная камера, но тесная и более сухая, чем 612-я. Это место впитало в себя злобу и ненависть тысячи людей, которым по воле судьбы пришлось тут терпеть невыносимую муку на протяжении нескольких суток. Здесь ощущалась всепроникающая аура страдания и боли. Но природа милостива, человек привыкает ко всему. Потихоньку и Хан приноравливался к новой напасти, которая так неожиданно свалилась на голову.

Прошел час, а то и больше. Открылось окошечко.

– Давай шлемку! – прошамкал беззубый баландер.

– Нет у меня шлемки!

– Нету?! – Паренек из хозбанды пошарил в своем нехитром хозяйстве и протянул ему алюминиевую посуду с омерзительной похлебкой, именуемой в здешнем СИЗО «суп-рататуй».

– Чаю, пожалуйста, – попросил Хан хриплым шепотом, почему-то в темноте и тишине у него сел голос.

В кружку, ручка которой была замотана тонкой веревкой, ему налили дымящейся жидкости. Хан неловко взялся за кружку и тут же отдернул руки – горячевато. Баландер внимательно и терпеливо ждал, понимая, что перед ним новенький обитатель карцера. Развозя по камерам пищу, он не раз видел избитых и замученных людей. Потому с сочувствием смотрел на него и не торопился. Наконец Хан как-то изловчился, взял кружку обеими руками и стал медленно глотать содержимое.

Вдруг почувствовал жжение на правой руке. Кровоточил локоть. Где поранился – непонятно, он даже не почувствовал. Осмотрел кожу, потом оторвал от трусов небольшой лоскут, помочился на ткань и протер ссадину на локтевом суставе. Запах не в счет. Ради здоровья придется потерпеть. Тут и так изрядно воняло испражнениями, главное – предотвратить воспаление. В такой антисанитарии всякая царапина может превратиться в гнойный нарыв. Началось тягостное ночное бдение. Временами он опускался, висел на упертых коленях. Несколько минут пребывал в таком довольно некомфортном положении, затем, когда становилось невмоготу, выпрямлял ноги, стоял. Потом опять приседал, пока колени не упирались в шершавую стену. И так, меняя положение,

коротал тягучую по времени ночь. Порой усталость брала свое, он засыпал на неопределенный срок, насколько позволяло терпение. Страшно мучила жажда. Губы его уже спеклись и потрескались, Хан то и дело облизывал их сухим языком, но делал только хуже. Он чувствовал горечь, привкус металла и немного крови в трещинках. В эти минуты Хан ощущал боль по всему телу, мелкую дрожь, слабость в ногах, которые были больше, чем все страдания на земле, больше, чем он сам. От духоты нещадно разболелась голова, и он вынужденно постучал в дверь. Подошел вертухай.

– Дай воды, – попросил Хан.

– Не положено! – ответил тот и наглухо прикрыл глазок.

Хан только злобно выругался. Задумавшись, он не смог даже вспомнить, когда в последний раз так злился. Чувствовал, как на лбу вздулись вены, видно, поднялось давление. В природе этого чувства он неплохо разбирался. Злоба – особый наркотик, и Хан плотно сел на иглу. Измученный и больной, он дожид до утра, наступление которого почувствовал по шуму и гвалту в коридоре, по учатившимся шагам охранников. Наступило его первое утро в камере следственного изолятора.

Коридор зажил своей обычной жизнью: с лязгом открывались камерные двери, слышались трехэтажные матюки конвоиров, хозбанда начинала привычную уборку. Вот и завтрак подоспел. Баландер открыл форточку и предложил кашу, чай. Хану было не до еды, тем более кашеед из него так себе, поэтому от миски он отказался. Да и, странное дело, голода не испытывал. Когда он нормально ел в последний раз? Тогда, за ужином, перед арестом. Несколько дней назад, а кажется, где-то далеко, в прошлой жизни. Охранник плеснул ему чая в кружку, подал кусок хлеба с маргарином. После завтрака Хан собирался принять вынужденное положение стоя, ибо площадь камеры не позволяла иного, но тут загремели засовы. У двери стоял уже новый вертухай.

– С вещами на выход! – произнес он привычную фразу.

– Нет вещей. Всё свое ношу с собой.

– Лицом к стене!

Вертухай открыл ближнюю дверь, оттуда вывалился парень с заспанными глазами. «Как же он умудрился спать в такой камере?» – удивился Хан, глядя на беднягу-соседа.

Пока они стояли лицом к стене, привели третьего арестанта.

– Налево! Шагом марш, вперед! – скомандовал конвоир.

На этот раз Хана толкнули в совсем тесную, но камеру. Там было жутко холодно. Во влажном тяжелом воздухе всё сильнее пахло кровью и едкой кислой мочой. Мерзость и скудость этого помещения вызвала тошноту – и душевную, и телесную. Но, как бы то ни было, эта камера Хану показалась раем по сравнению с той душегубкой, «прелести» которой он испытал в прошлую ночь.

Он прошелся взад-вперед, пытаясь привести мысли в порядок, согреться, унять нервное клокотание, и заметил железный стульчик, прикрепленный к цементному полу. Ноги гудели, и Хан сам не заметил, как опустился на него.

Сколько времени так просидел, не понял. Прикрыв глаза и не меняя позы, он сквозь дремоту будто ощущал, как истончается его связь с окружающим миром, почувствовал острое одиночество, пустоту в душе и бессмысленность бытия. В следующую кормежку Хан отказался от пищи и так, в полусознательном состоянии, не заметил, как наступил вечер. Сгустились сумерки. Хану показалось, что он персонаж романа «Процесс» Франца Кафки. Вскоре открылись железные двери камеры, и ему вручили «вертолет» – деревянный лежак. Хан грохнулся на него и от неимоверной усталости мгновенно заснул. О, блаженный

сон, ты лучший и единственный друг арестанта, способный на время утолить его печали и утешить беспокойное сердце. Но, увы, ты не вечен. Рано утром шикнули засовы, открылась дверь, и вошедший вертухай грубо разбудил его и унес «вертолет». В распоряжении Хана теперь оставался холодный железный стульчик. Хочешь – шагай, хочешь – садись, если не жалко мужского здоровья. Темнота, сырость, одиночество не могли не вызвать душевной боли, тоски, которые начали мучить Хана, как застарелый геморрой. Хан потерял счет дням. Где-то на шестые или седьмые сутки пребывания в карцере его вывели на морозный воздух. Он понял, что возвращается в старый корпус карантина. Вошли.

– Лицом к стене!

Его завели в тесный кабинет капитана Атбасарова. Внутри было очень холодно. Рядом с ним на полу урчал кипящий чайник.

– Садитесь! Чаю хотите? – по-свойски спросил хозяин, видя, как Хан с превеликим вождением смотрит на чайник.

Он уже так давно не пил настоящего чая, что с радостью ответил:

– Спасибо! Не откажусь!

Познакомились. Это был начальник по оперативной работе карантина. Потом стало известно, что этот капитан следил за настроениями и намерениями арестантов, ведал осведомительством. По-зэковски его называли «кум». Атбасаров поставил перед Ханом стакан. Видно было, что он пытается начать разговор, но никак не решается.

– Давно хотел пригласить вас на беседу, но вот всё не удавалось, – заговорил капитан. – В эти дни о вас часто говорят по телевидению, радио, очень много пишут в газетах. Да, с карцером вышло недоразумение. Я не смог уговорить майора отменить решение. Он всё-таки мой непосредственный начальник. Теперь по любому вопросу можете обращаться ко мне. Я обещаю, что пока вы здесь, в карантине, ни один волос не упадет с вашей головы.

Возвращение в 612-ю камеру

Сокамерники встретили Хана шумно, восторженно, будто прибыл к ним новый космонавт. Всех интересовали условия карцера. Среди толпы он заметил двух вновь прибывших. Худого, длинношеего, высокого парня-наильника, которого вспомнил по встрече в каптерке Аубакирова. Шконку ему выделили на втором ярусе, прямо над той, на которой лежал Хан. «Только насильников мне не хватало», – мрачно подумалось ему. Но второй новичок произвел особое впечатление. Среднего роста, сухощав, интеллигентное лицо, взгляд открытый. Одет прилично. Но главное отличие его от других сокамерников было в том, что он держался с достоинством, особняком, особо ни с кем не общался. Вдруг из коридора послышался крик дежурного по корпусу:

– 612-я, приготовиться на прогулку!

Вслед за этим поступила команда:

– Бегом в каптерку!

Скоро открыли дверь камеры, и все выскочили в коридор. Сначала бросились в каптерку, в общей суматохе с трудом отыскивали свои куртки (а сделать это целая проблема, те висели одна на другой на обычных крючках) и выбрались на улицу. Это была первая тюремная прогулка Хана. Арестантские дворики – это, можно сказать, те же бетонные камеры, только без крыши. Вместо нее стальная проволока, натянутая вдоль и поперек. Размер дворика примерно пять на пять метров. Прогулка – это своего рода физкультура на свежем воздухе, правда, если хочешь – можешь покурить, словом, кайф продолжительностью в пятнадцать-тридцать минут. Курящие сразу принялись за свое дело. Хан

решил прогулку использовать с пользой, потому быстрым шагом начал наворачивать круги. Дворик располагался с края здания и по-особенному, насквозь, продувался ветром. Относительно свежий, морозный воздух входил в легкие ласково и свободно. Ходьба в таких, хоть и стесненных, условиях – приятное занятие. Он размахивал руками, даже ногами, приседал, разминался как мог. Судя по частому скрипу обуви, за высокой, в два человеческих роста, стеной были соседние клетки. Из них слышались топот, пыхтение, смех. Видно, там тоже нашлись пытающиеся победить гиподинамию и условия тюрьмы. Он посылал мысленный привет неведомому собрату, который правильно использовал короткое прогулочное время. «Совершенно верно, вдыхай глубже свежий воздух – то, чего так недостает в камере. Ни в коем случае нельзя отдавать тюрьме ни минуты жизни. Не позволяй никому красть твоё время. А тем более свободу. Тренируйся, пока позволяют здоровье и время. Набирай силу! Всё в твоих руках, чтобы здоровым выйти из этого ада».

Единственное, что мешало ему непрерывно двигаться, разминать мышцы и суставы, – это арестанты из других камер, которых выводили под конвоем мимо них в соседние дворики. Завидев проходящих, они немедленно должны отвернуться и застыть на месте, чтобы не видеть их. Вот как было здесь строго и сурово! Стоишь ждешь, пока последний из них зайдет в корпус. Хан старался. Спешил. Пятнадцать-двадцать минут – это очень мало. В камере тесно и душно. Упражняться там себе дороже. Говорят, можно заболеть туберкулезом. При занятиях спортом в таком воздухе в легкие запросто и глубоко проникает палочка Коха. Потому на прогулке он старался не тратить время ни на что, кроме спасительного движения. Даже такую непродолжительную прогулку он воспринимал с особой нежностью. Это был кусочек его гражданской жизни, прилетевший в сегодняшнее настоящее. О, как переживает арестант, лишенный прогулки! До смерти не забудет он это чистое, голубое, высокое астанинское небо, которое ласкало его через железные решетки!

Когда время прогулки завершилось, свежие и румяные от мороза, они вернулись в камеру. Хан вновь вынужден был дышать смердящим запахом разложившихся фекалий, но, хуже того, почувствовал, что поднялась температура, из-за которой больно жгло в глазах. Видимо, всё-таки сказывались и бессонные, мучительные ночи в карцере. Начал задыхаться, и ему стало плохо. Учащенно билось сердце даже в состоянии покоя. Дыхание было поверхностным, порой переходящим в слабые стоны. Медицинской помощи тут не дожидаться, Хан собрал все силы, чтобы выстоять и не показать слабости.

Камеру № 612, самую большую в СИЗО, из-за густонаселенности и постоянной смены лиц называли «вокзал». В лихорадочном состоянии ослабевший Хан прогуливался между кроватями и столкнулся с новеньким арестантом. Улыбнулись друг другу, приветствуя, пожали руки.

– Хан! – представился он, открыто глядя в лицо новичку.

– Абай, – назвал свое имя тот и участливо спросил: – Вы не заболели? Лицо бледное!

– Ничего, пройдет, – ответил Хан. – Карцер дает о себе знать.

Абай произвел на него приятное впечатление. Пока в разных углах, на разных уровнях камеры бурлила жизнь – слышалась блатная речь, ругань, жареный говор, образовывались и распадались временные группы, вспыхивали споры – у них с Абаем создался свой союз. Они проговорили до ужина, потом их беседа продлилась до отбоя. Разговоры с Абаем придавали вечеру, да и то-скливному времяпрепровождению, приятную наполненность, особую теплоту. Сразу можно отличить тех, кто не впервые переступает порог тюремной каме-

ры. Такие увереннее других, взгляд их выжидательнее, осознаннее и тверже. Они изучают своих сокамерников с явным интересом, дружелюбно, зная, что общая камера – это только начало начал, тут не совсем опасно. Тут всё временное. Они с ходу различают людей: кто гнилой, а кто не предаст. Хан нутром почуял, что Абай в СИЗО не новичок. В камере он старался не задавать лишних вопросов своим сокамерникам, и не потому, что следовал арабской пословице, вычитанной в одной книге: не спрашивай – и тебе не будут лгать. Просто понимал, что здесь так не принято, захочет человек – сам расскажет. Абай настолько доверился Хану, что за вечер поведал всего себя. Это были тайны, хранимые на дне души: и первая любовь, и рождение детей, расставания, потери, первый нелепый арест, СИЗО, полное оправдание, перипетии бизнеса – словом, биография невероятно интересная, полная риска, авантюры и смелости...

Прозвучала команда «Приготовиться к отбою», и арестанты, усталые, изнуренные, суетливо расправили кровати. Наконец послышалась долгожданная команда «Отбой!» – пожалуй, самая сладостная. Приятна она потому, что целый день ты находишься на ногах, садиться на кровать строго запрещено. Всевидящее око видеокамеры не оставляет никаких шансов отдохнуть где-нибудь в закуточке. Просматривалась практически вся площадь камеры. Объявили отбой, казалось бы, отдыхай положенные часы. Нет! Вдруг один из сокамерников по кличке Цыган с таким громом выпустил воздух, затем еще и еще, и так раз десять. В ответ гомерический, буйный хохот соседей. Скоро из других концов раздалась не менее бесстыдные звуки. Дежурный надзиратель, видя и слыша такое безобразие, вынужден был предупредить: «б12-я! Прекратите хулиганить! Прекратите смех, иначе устрою вам “пожар”». Хан встал и по-человечески попросил ребят успокоиться, но они, словно маленькие дети, еще некоторое время продолжали ржать, гоготать, потом, слава Богу, уgomонились. И вот уже ровно сопят его сокамерники, мерно поскрипывают в коридоре сапоги дежурного. Время от времени слышны чьи-то стоны, грохот замков, шаги, истошные крики, всхлипывания. Кого-то ведут на ночной допрос, кого-то просто избивают: каждый посторонний звук нервно откликается в висках. Хан ушел в глубокий и изнуряющий сон, который пролетел незаметно – ему снилось что-то хорошее и приятное.

Недоброе утро и крики дежурного напомнили Хану, где он оказался. Мозг его попробовал найти лирику и в этой ситуации: пробуждение в неволе – это особое состояние! Никакая земная благодать не сравнится с ним, точнее, с тем коротким блаженством сна, когда купаешься в облаках, живешь свободно, и вдруг вместе с истошным криком дежурного в твою душу врывается суровая реальность, отчего в один миг осознаешь, кто ты и где ты. Однако надо было вставать – иначе проблем не оберешься. Хан заправил кровать. Потом началась обычная уборка камеры. Привезли завтрак. Хан с Абаем перекусили стоя, и вдруг он почувствовал, что за столом между пацанами назревает серьезный конфликт. Сперва услышал: «Пусть этот пидор не садится за стол. Пусть шамает отдельно», – эти слова адресовались его соседу-наильнику. Хан подошел к столу, где сидели недовольные сокамерники, и твердым голосом произнес:

– Пацаны! Не оскорбляйте его. Суда еще не было! Да, пусть ест в сторонке! Но не смейте его трогать!

Они не ожидали такого неожиданного поворота: молча восприняли его слова и, поняв, что перегнули палку, успокоились. Перед утренней проверкой наильник неуверенным шагом подошел к ним – Хан с Абаем стояли возле кроватей – и тихо выдавил:

– Спасибо вам за поддержку! Можно за вас я буду мыть пол, заправлять постель?

Он замолчал. Молчал и Хан. Посмотрел в его глаза и был поражен тем, насколько окружающая среда сильно воздействует на человека, который совершил жуткое преступление! Перед ним стоял высокий парень с лицом, лишенным всякого выражения, пустым, как мраморная плита. Хан не знал, какими словами можно описать выражение его глаз. В них, как на экране телевизора, он увидел цепенящий ужас, страх, муку загнанного зверя и где-то там, на самом дне, полубезумный проблеск надежды.

– Не надо! Я сам справлюсь, – ответил он насильнику.

– Попаду в зону – покончу с собой, – упавшим голосом произнес он, не в силах поднять взгляд в их сторону.

– Ладно, иди, – выдавил через силу Хан.

И парень, сгорбившись, как глубокий старик, побрел в другой конец камеры.

Как обычно, с шумом лязгнули засовы, открылась дверь. Вошли дежурный офицер, старший сержант и дежурный по корпусу. Дежурный по камере, Коля по кличке Цыган, отрапортовал. Арестанты вытянулись, ожидая сурового наказания за нарушение дисциплины после вчерашнего отбоя. Лица проверяющих не сулили ничего хорошего. Они, словно собаки-сыскари, разбрелись по камере, осматривая всё вокруг. Потом перевернули несколько постелей за плохую заправку.

– Кто дежурный? – сурово спросил офицер.

– Я, господин начальник, – отозвался Цыган.

– Подойди ко мне! – потребовал офицер. – Ты так моешь пол?

– Старался, господин начальник!

Офицер глянул на сержанта, тот без слов всё понял. Удары дубинкой посыпались на бедного Цыгана.

– Уведите, чтобы я не слышал его вопли!

Сержант пинком вывел его в свою каптерку, потом оттуда еще долго слышались душераздирающие крики бедолаги.

Строй замер. Каждый понимал, что может случиться страшное.

– Ну что, до вас не дошли мои вчерашние уроки?! Продолжаем нарушать порядок?! Значит, вчерашний «пожар» прошел для вас даром? Так? – И офицер ударил в живот самого высокого арестанта. – Ну а ты чё вылупился?! – Сильный удар получил и его сосед.

Тут Хан вынужден был выйти из строя и обратиться к офицеру:

– Господин начальник, да, пацаны нарушили дисциплину. Я как мог пытался успокоить их, но это мне не сразу удалось. Прошу простить нас. Я беру на себя ответственность и обещаю, что такое больше не повторится.

Лицо офицера слегка потеплело, Хан почувствовал, что его слова возымели действие.

– Ладно, хорошо! Последний раз предупреждаю! Наведите порядок в камере! Чтоб всё блестело! С вас спрошу, сержант! – это он уже адресовал дежурному.

«Гости» ушли, арестанты же приступили к нудному заучиванию фамилий и должностей тюремного начальства. После обеда, чтобы как-то себя занять, Хан предложил Абаю просушить стены, по которым крупной слезой бежали капли сырости. Благо дешевой туалетной бумаги было хоть завались. Пацанов сырость в камере вообще не волновала. До ужина, беседуя, они обсушили всю нижнюю часть стен. Оставалось решить проблему с зарешеченным окном. Из-за влаги изнутри намерзал толстый лед, будто какая-то огромная стеариновая свеча таяла над стеклом. Под низом входной двери было продолговатое отверстие, поэтому из коридора всегда несло холодом, в камере сквозняк гулял свободно. Многие арестанты начали кашлять.

С трудом удалось позвать сантехника-слесаря из хозбанды, он битый час копался у окна, но ничего не смог поправить. Предложил навесить на форточку теплую тряпку, чтобы стоял лед. Тряпка тут же примерзла к раме, стало еще хуже. Холодный ноябрьский ветер взял верх и начал свирепствовать в и без того сырой камере. В окно влетали рыхлые хлопья снега. Упав на широкий каменный подоконник, они тут же превращались в мутные капли. Вот только влаги в камере и не доставало!

А между тем где-то там, за стенами каземата, в далеком городе Алматы, в ярко освещенной теплой квартире обычной жизнью жили те, кого Хан так любил. Жена и дочь, наверное, грустили. Скорее всего, сын спал. Он был слишком мал, чтобы осознать, где сейчас находится его отец. Хоть в этом судьба сжалась. А вот трехлетняя доченька, безумно любящая отца, наверное, своими бесконечными вопросами все уши матери прожужжала. Хан знал, что от тоски она просто сохнет! Наверняка скучала по нему и старшая дочь Анара. За неё он сильно опасался. Хан решил при первой встрече с адвокатом попросить устроить так, чтобы она улетела в Европу. Ей нельзя оставаться в стране, ведь возможны провокации. Только бы Анарочка не заболела от этих нервных расстройств. Айнур, его первая жена, скорее всего, тоже сидела дома, переживала. Она молодчина, за ночь нашла ему адвоката. Несмотря на страшную болезнь, она держалась прекрасно, дай Аллах ей избавиться от этого проклятого недуга. На душе Хана вдруг стало очень тяжело. Сверлящая тоска просочилась в грудь, нагло и бесцеремонно проникла туда, где бережно хранилась его любовь к самым близким: к жене, к детям, к сестрам, к братьям, к друзьям, к коллегам, – и сдавила дыхание цепкими и острыми когтями так, что выступили непрошенные слезы. В панике, чтобы скрыть их, Хан неприметно отошел в самый дальний угол, сделал вид, что промокает капли, текущие со стен. Стал искать, чем затуманить мозг, чем отвлечь себя от тоски, но ничего не смог придумать, кроме как подойти к единственному рукомоюнику и выпить холодной воды.

Тем временем камера смеялась, плакала, шумела, развлекалась по-своему. Разноплеменная, разновозрастная масса из восемнадцати живых существ, стиснутая на площади камеры едва ли большей, чем школьный класс, выживала как могла. Под вечер пошли передачи с воли. Оказалось, что друг Ансар отправил Хану продукты и теплую одежду. Наконец он снял грязную рубашку, костюм и переделся в вещи, соответствующие положению арестанта. Стало теплее не только телу, но и душе, а это настроило на размышления. И он, беседа с Абаем, поделился одной подспудной мыслью, которую вычитал в книге: «Мы, люди, рождены свободными, в сознании нет ни решеток, ни железных дверей, потому ни один вертухай, ни один надзиратель не в силах лишить нас того, что у нас действительно есть, – твердости духа. Она не покинет того, кто верит в свободу, в себя, в свои силы». Тот согласился, добавил: «Не плоть, а дух делает человека человеком». С Абаем они говорили подолгу. Объединяла их не только общая культура, образование, взгляды, но и тяга к чтению. Они сразу почувствовали друг в друге стремление трезво размышлять о жизни, несмотря на её явное безумие. Он, как и Хан, любил приглядываться, сопоставлять, обобщать, строить планы. Они говорили практически обо всём. О судьбе, о семье, о детях, о родителях, о бизнесе, о любви, о жизни... о том, как приятно снег хрустит под ногами, когда, пританцовывая, ждешь любимую; как сладка лесная ягода, сорванная на поляне, возле которой лежит велосипед, подаренный отцом за хорошую успеваемость. Они торопились высказать друг другу очень многое. Понимали: скоро придется расстаться, и их пути разойдутся. Встретятся ли когда-нибудь – ведает только Аллах.

Ужин. Изю дня в день в один и тот же час коридор окутывался противным запахом вареного рыбьего жира. Хана тошнило не только от вкуса этого супа, но даже от запаха. Питались с Абаем в основном тем, что передавали друзья. Отбой. Снова лязгнула дверная форточка – пасть дракона. Отбой – это самое большое наслаждение камерной жизни. Это настоящее счастье! Можно лечь, вытянуться во весь рост впервые за весь день. Это восьмичасовой блаженный полет в мир Морфея, в царство небытия. Хан пожелал соседу, вору-домушнику, спокойной ночи и провалился в глубокий сон. В шесть утра – подъем. Зима на носу, по утрам уже темно. Кусочек неба в промерзшем, заледеневшем окне кажется с рамой. Через пару часов этот кусочек высокого астанинского неба кажется узеньким ручейком, бегущим в сторону свободы.

Да, в нескольких десятках шагов от тюремной ограды, за колючей проволокой в пять рядов, оснащенной видеокамерой, электрическим током, во дворе обжитого особняка течет своя обычная человеческая жизнь, несмотря на морозную погоду: играют дети, мужчины дома пьют пиво, женщины смотрят свои любимые телесериалы, кто-то выгуливает собаку... Эх, не ценил он все эти элементарные радости жизни там – на свободе. Ну, это там, а тут, в карантине, медленно текла своя особая жизнь со своими законами. Карантин был своего рода курсом молодого арестанта, вокзалом тюрьмы, где в прямом и переносном смысле они сидели на сумках.

«У каждого своя правда...»

– Жумабаев, на выход по сезону!

Это означало одеться и выбежать в коридор. Встать лицом к стене, ожидая команды «Налево!». Шагаешь в каптерку, суетливо ищешь свою куртку, опять ждешь команды. «Интересно, куда меня поведут?» – этот вопрос ему не давал покоя, так как впервые Хан услышал адресованную ему команду «По сезону». Они шли по каскаду проволочного коридора. За решеткой на воле был тусклый морозный ноябрь. Здесь, внутри, он ощущался только краем сознания – как хрупкая эманация неясных печалей. Вероятно, так приходит в человеческие души ожидание смерти, а в природу – предчувствие зимы.

Привели Хана в «колокольню». Конвоир открыл дверь, и Хан увидел перед собой «стакан» – бокс ожидания, или передержки. Метр ширины, два длины, поперек на уровне коленей вмурована узкая доска. Хочешь – стой, хочешь – сиди. Над головой в нише хмурилась пыльная лампочка, надежно защищенная железной сеткой. Жарко, температура около тридцати градусов, нестерпимо душно. Конвоир закрыл дверь, замкнул засовы, напоследок внимательно посмотрел в глазок. Задвинул заслонку. Лампочка погасла. Хан оказался в темноте. Так прошло минут десять. Открылась дверь, завели еще двух арестантов. Сидели в тишине, от духоты першило в горле, кружилась голова.

– Зачем мы тут сидим, может быть, просветите меня? – попросил он в темноте у своих соседей.

– Вы тут впервой? – раздался густой бас довольно пожилого арестанта. – Ждем, пока наполнят «стакан», потом погонят наверх к адвокатам. Чё нас по одному водить? Мороз не тетка.

– Спасибо. Уяснил, – поблагодарил Хан соседа по несчастью.

Прошло еще минут тридцать. Когда его терпение было на исходе, громко лязгнули засовы, открыли дверь.

– Всем на выход! Бегом марш на улицу!

Они выбежали по команде и за углом по крутой железной лестнице поднялись на второй этаж. Опять «лицом к стене». Там за небольшим окном сидела женщина-сержант.

– Жумабаев, в четвертую комнату!

За небольшим столом, улыбаясь, сидел его адвокат. Его явно удивила налысо подстриженная голова Хана, и он выпалил возмущенно:

– Вот сволочи! Они же не имели права брить вас наголо!

– Какая разница, Амантай?! Так лучше, вот уже который день сижу небритый, невымытый. В камере нас восемнадцать человек, и на всех только одна параша, один умывальник с холодной водой. Завшиветь можно!

– Да, похудели вы! – Адвокат внимательно поглядел на него и захлопал глазами. – Значит, вас загнали в самую большую камеру?

– Выходит, так. Какие новости?

– Идет большой шум в прессе и на телевидении по поводу вашей посадки. Страсти кипят, особенно в соцсетях. Журналисты начали сбор подписей за ваше немедленное освобождение. Много публикаций. В следующий раз привезу газеты. Амир Бисенбаев дал интервью, подчеркнув, что за вами нет никакой вины, а у обвиняющей стороны не имеется доказательств. Все в один голос говорят, что это политическое дело. Ну, ничего, будем защищаться. Говорил с Ажар, с дочерью Анар, с Айнур. Все передают привет. В общем, держитесь! Буду навещать. Скорее всего, приеду через пару дней, в понедельник. Да, вы знаете, что вам изменили статью обвинения?

– Нет, – удивился Хан, еще ни о чем не догадываясь.

– Вас задержали по статье 194, часть 3, пункт 2 УК РК, а при переводе в СИЗО суд изменил меру пресечения на статью 194, часть 4, пункт 2.

– Что это меняет?

– Многое. Если по первой статье вам светило до семи лет лишения свободы, то теперь – до четырнадцати строгого режима.

– Вот людоеды! Понятно, вели бы себя послушными баранами, всё было бы по-другому! Не так ли?

– Посмотрим, – пробормотал адвокат несколько потерянно.

Попрощавшись с ним, Хан вновь оказался у окошка, где восседала строгая женщина-сержант. Его поставили лицом к стене. Будут ждать, пока их не наберется человек пять-шесть, придется постоять.

Минут через пятнадцать собралось семь арестантов. Явился конвоир, и их спустили на первый этаж. Опять прошли процедуру обыска: открой рот, раздвинь ягодицы, нет ли каких-либо неположенных вещей?! Оказывается, это обязательная процедура, без которой не заведут в корпус. После встречи с адвокатом, следователем или родными любой сиделец обязан пройти тщательную проверку. Снова загнали в «стакан». Минут сорок сидели в темноте и духоте, пока конвоир не погнал всех в корпус. Хан уяснил – после пребывания в «стакане» не захочешь лишней раз встречаться с адвокатом!

Вернувшись в камеру, Хан увидел, что на скамейке возле его шконки сидел крепкий седовласый мужчина, на вид моложе его. Одет он был в трико и майку. Хан сразу же обратил внимание на грубо выступающие большие рубцы и шрамы на мускулистых плечах и руках.

– Аскар, – коротко представился он.

Хан назвал свое имя, они разговорились.

– Я вас знаю, вы журналист? – спросил Аскар.

Хан кивнул. То ли профессия, то ли его знакомое лицо, трудно сказать, но новенького арестанта потянуло на откровения. Скорее всего, ему хотелось рассказать о накипевшей в душе ненависти к ментам, надзирателям, тюремщикам.

– Вчера повязали меня за терроризм, – начал он свою исповедь.

– Ого-го-го! Это же сегодня популярная, но тяжкая статья!

– В том-то и дело. Короче, четыре с лишним года назад меня уже арестовывали за убийство. Но я не убивал. Был суд, дали восемь лет строгого режима. Сидел под Карагандой. Во время следствия в СИЗО мне устроили жестокую «пресуху»: и били, и в карцер сажали, короче, издевались как могли, чтобы я раскололся. Следы их художеств вот, налицо.

Хан ему верил, но Аскар всё равно продемонстрировал шрамы.

– Звери, – прошептал Хан.

– Хуже! – горько ответил Аскар. – Несколько раз резал вены, объявляя голодовку – без толку. Но всё выдержал, ушел в несознанку. Проходит четыре года, вдруг следаки находят настоящего убийцу. Меня освобождают. Возвращают в Астану, а дома – шаром покати. Оказалось, жена не дождалась меня – ушла к другому, увезла всё, что было нажито в совместной жизни. Откинулся, а работы нема! Безденежье. Но не пил. Верить, со дня освобождения я в рот не брал спиртного.

Аскар надолго замолчал, погрузившись в свои мысли, и Хан напомнил о себе:

– И?

– На днях ну такая тоска взяла меня. И из-за безысходности, одиночества я купил две бутылки водки, пришел к себе во двор. Сел. И сам один вылакал всю бутылку. На душе стало немного легче. Откупорил вторую, выпил малость и пошел по улице куда глаза глядят. Иду и вижу: передо мной районное отделение полиции. Брат, спроси любого человека, оттарабанившего несколько лет за проволокой, и он, гадом буду, как пить дать скажет: ничто так не убивает человеческую душу, его нутро, как наша долбаная правоохранительная система. Ну и начался кипиш: в голове помутилось, я разъярился как бык! Меня такое зло взяло, – тоскливо проговорил Аскар. – Думаю, ишаки безмозглые, из-за вас я потерял свое здоровье, семью, четыре года жизни, перенес столько унижений. Вошел в здание полиции и что есть сил заорал: «Козлы вонючие, я вам покажу реальную жись! Взорву всех вас на хрен...», и поднял над головой целлофановый пакет с початой бутылкой водки. Они в штаны наложили, точно! Теперь впаяют «терроризм», получу как минимум семь-десять лет.

– Может, всё обойдется, – Хан не знал, как его поддержать.

– Понимаю, что запорол быка, но что поделаешь? – пожал Аскар плечами. – Довели, гады!

Наступили выходные, самые ненавистные дни в тюрьме. Потому как на время затухает жизнь: не хлопают кормушки – единственное «окно» зэков для общения с внешним миром, хотя это строго запрещено, замолкает «кормяк», где выдают баланду, не выносят мусор, вертухаи не выкрикивают: «С вещами на выход», выводя зэков на допросы и свиданки. В спячку уходят суды, врачи, в эти дни не поступают передачи. Словом, наступает гнетущая тишина, настолько саднящая и беспросветная, что некоторых сокамерников начинают посещать сумасбродные думы о суициде. И такая тревожная пауза всегда полна ссор, стычек между сокамерниками. Склоки возникают на пустом месте. Причем мгновенно градус ругани достигает такой отметки, что кажется, еще немного, еще чуть-чуть – и будет извлечен припрятанный нож. Но всё же обычно до этого ссора не доходит – здравый смысл берет верх. Лениво отругиваясь, толкая друг друга, арестанты привычно идут к месту разборки – прямо под видеокамеру, расположенную над парашей, единственное место, куда не достаёт видеообзор, и там кулаками решают свой спор. После нескольких обменов ударами жар спадает, и они расходятся.

В предвыходные дни, зная, что не будет передач, Хан предложил сокамерникам равномерно, по дням, распределить имеющиеся на всех продукты. Даже выбрали ответственного, который следил бы за их расходом. Пацаны вы-

разили согласие. И таким ответственным человеком выбрали Абая. Наутро в субботу Хан с Абаем с грустью обнаружили, что все продукты съедены начисто! И тогда они поняли, какую глупость совершили: с этими пацанами, потерявшими человеческий облик, никакой каши не сварить. Голод, унижения, среда – всё это вкуче разложило их сознание. Да и сказывались минусы воспитания. Хан переговорил с Абаем, пришлось скорректировать свои взаимоотношения с пацанами: здесь главным аргументом спора были кулак, дубинка, средством понуждения – зуботычина. Интеллигентские штучки не работают, их тут же растопчут в пыль и размажут по параше. Хану врезались в память слова утешения Аскара, «террориста», высказанные им в назидание в момент его легкой обиды на своих бесшабашных сокамерников – в тюрьме не учи жить другого. У каждого своя правда, даже у последнего негодяя. И твоя правда для него непригодна. Потому что она твоя, для него чужая.

Тюремные будни

В те долгие и томительные дни арестанты, лишённые всех развлечений, таких как книги, газеты, телевизор, домино, шахматы, шашки, кроссворды, занимали себя как могли. Приходилось рассказывать друг другу разные истории из своей жизни да забавляться неумными розыгрышами. А время шло. Как-то раз Хана вызвали по команде «По сезону!» и повели в каптерку. Там, как в муравейнике, копошились арестанты, которых выводили на прогулку. Вдруг Хан среди арестантов узнал Айтказы Сатаева – старого друга, с которым они знали друг друга сорок лет: учились на одном факультете, жили вместе в общежитии, работали в студенческом отряде и тридцать пять лет в журналистике! Айтказы осунулся, правда, но сумел сохранить прежнюю причёску.

– Привет! – поздоровался Хан. Хотел его обнять, но, зная, что так не положено, не стал этого делать. – Как ты?

Тот сделал вид, что не заметил, оставив Хана в недоумении. Неужели тюрьма сломала и старого друга? Пока он размышлял, его погнали в «колокольню». Вновь он прошел через «стакан» в ожидании своей очереди к адвокату, а оттуда его завели в комнату для переговоров.

Амантай шепотом сообщил:

– Нас с вами постоянно отправляют в одну и ту же комнату. Здесь всё прослушивается...

Он поведал Хану, что в СМИ идет большой шум по поводу его ареста, а в соцсетях продолжается сбор подписей за освобождение. Обменялись новостями, после чего Хана вернули назад. В камере было сыро. В духоте порой казалось, что весь мир погружен в стылый полумрак и накрыт сверху низким пепельно-свинцовым небом. Казалось, что весь мир приобрел облик плохо освещенных душных камер, в которых замученные, потерявшие веру в справедливость люди уныло бродят взад-вперед. «Согреться бы под горячей водой, обжечь мочалкой руки и ноги, тщательно с шампунем промыть голову, освободиться от грязи», – мечтал Хан, шагая в другую камеру. Ему было больше шестидесяти лет, но он выглядел совсем не так, как его сокамерники. Несмотря на молодость, они казались хилыми, с кривыми позвонками, с отвислыми животами. У него грудь и плечи были крепкие. Стоило вытянуть руку, чуть её напрячь, сжать ладонь, поворачивать кулаком вправо-влево, и под кожей внушительно всплывали плотные, упругие мышцы. Физическое состояние подняло ему настроение, он ощутил душевное удовольствие и прилив сил. «Нет, надо держаться, Хангельды, и в любых условиях заниматься собой! Выше нос!» – твердо сказал он сам себе и вновь вернулся в суровую реальность. За стальной дверью раздался голос вертухая:

– Жумабаев, с вещами на выход!

Сердце Хана застучало, как колеса старого паровоза. Такая команда в его адрес поступала тоже впервые. А вдруг? Ведь в их неправовом государстве всё может случиться. Он уныло, но поспешно стал укладывать в пакет свое барахлишко: кружку, миску, мыло, зубную щетку, пасту – нехитрый арестантский скарб. Абай скатал в трубку матрац Хана.

– Продукты, – озабоченно напомнил ему сосед-домушник, помня, что час назад ему пришла передача от Ансара.

– Нет, спасибо! – твердо ответил Хан, решив, что в неизвестность лучше идти налегке.

– Возьмите, возьмите! Кто знает, куда вы попадете, – не унимался Абай.

Он крепко обнял Абая и тихо обронил:

– Увидимся на свободе. Знаю, что мы ни в чем не виноваты! До встречи на свободе! Пока! – И шагнул в открытую дверь, вспоминая Эпикура: «Из всего, что дает мудрость для счастья всей жизни, величайшее – это обретение дружбы».

Повели его по знакомому коридору. «Интересно, куда теперь?» – вертелось в голове. Вскоре прозвучала команда «Лицом к стене!». Хан увидел номер камеры – 604. Звякнули ключи, конвоир открыл дверь, и он шагнул в камеру, где по стойке смирно стояли три арестанта. Он принялся знакомиться с новыми соседями. Крепкого телосложения мужчину лет сорока звали Сапар. Мальчишку лет шестнадцати, потерянного и худосочного, – Багдат. Третий, высокий и шустрый, по имени Шохрат, оказался двадцати трех лет. Вот и все его сокамерники. После местного «вокзала» Хан почувствовал себя почти как дома: практически не было сырости, вони, толкотни и ненужной возни. Ему определили нижнюю шконку. Поев, начали знакомиться. Хан рассказал о себе, о том, что сидел с убийцами, насильниками и ворами. Тогда в разговор вступил сорокалетний Сапар, спокойно признавшись:

– Я тоже убийца.

Хан опешил и почувствовал неловкость за свое откровение. Но Сапар отнесся к его словам без обиды, и всё встало на свое место. Разговорились. У Хана было такое чувство, словно этих ребят он знает уже целый век. Сапар рассказал о себе. Оказывается, преступление он совершил в случайной драке. Он, бывший боксер, не рассчитал силу кулака. Удар пришелся в висок, потом его соперник при падении ударился об острый угол. Пока прибыла скорая, отдал концы. И вот теперь Сапар ждал решения суда. Подросток Багдат работал помощником повара. Рано утром к нему на работу пришли следаки, показали фото незнакомого человека и заявили, что Багдат ограбил его в эту ночь. Забрали прямо с рабочего места. Сидел он растерянный, даже не знал, что делать, кому жаловаться. Шохрат оказался подельником домушника. Их повязали вместе. Сразу видно было, что он не впервые в таких местах, уж слишком привычно и с большим знанием дела он себя вел. В этой камере Хану довелось сидеть недолго, но, несмотря на то что рядом с ним были воры, убийцы и грабители, он чувствовал себя спокойно и особо не переживал. Вот странности человеческой психики, еще недавно солидный уважаемый человек, он с осуждением и брезгливостью смотрел на таких людей, предпочитая вовсе не замечать их существования и не блуждать ночами по темным переулкам, а сейчас эти оступившиеся или закоренелые стали если не лучшими друзьями, то привычными, обычными собеседниками, не вызывающими ни отвращения, ни страха.

А через пару дней вновь прозвучала команда:

– Жумабаев, с вещами на выход!

Идти пришлось недалеко. Открыли засовы наискось противоположной камеры под номером 615. У входа его обдало настолько едким запахом мочи, что

тут же хлынули слезы. И опять новая камера, другие люди, злые, настороженные лица, резкая вонь, к которой надо притерпеться, другие порядки, духота, смрад немытых тел. У Хана не выдерживали нервы. Он погрузил свое усталое, напряженное лицо в этот противный запах, проклял зловещее заведение под названием СИЗО и тихо завыл от злости и бессилия исправить что-либо в этой ситуации. Вдобавок ко всему в камере было жутко холодно, примерно около нуля градуссов. Оказалось, что его завели в знаменитую двухместную, самую холодную в карантине, куда водворяли ретивых и непослушных.

Камера представляла собой каменный мешок размером четыре на три метра. Прямо у входа слева на небольшом возвышении находился тот самый сортир, откуда разило аммиаком. По правой стене громоздилась двухъярусная шконка. Напротив – малюсенький железный столик размером сорок на шестьдесят сантиметров, вмурованный в цементный пол. Вот и весь уют. Пока он осматривал новые «апартаменты», заклацали засовы, и в камеру ввели высокого худого паренька лет восемнадцати. На вид он был угрюмый, неразвитые плечи согнуты, чувствовалось, что у парня жалкая судьба. Пожали руки. Нового сокамерника звали Ришат. В первые часы знакомства он вел себя тихо, всё больше молчал, лишь изредка поглядывал на Хана из-под густых татарских бровей. Чувствовалось, что он очень голоден: глядя на продукты, жадно глотал слюни. «Неужели подсадная утка?» – видимо, сказались все те статьи и романы, что ему довелось читать о жизни в застенках. Но уже после небольшого общения эти подозрения развеялись. Уж слишком жалок и беспомощен был этот паренек, чтобы пойти на такую подлость.

– Есть хочешь? – пришлось спросить у молчаливого соседа.

– Да, очень, – проговорил он.

Из недавно переданных продуктов Хан выделил ему огурец, часть хлеба и немного колбасы. Ришат в один присест съел угощение и опять поглядывал на соседа. Тем временем Хана угнетала сама обстановка камеры. Не столько теснота, сколько антисанитария. Стены были заблеваны, резко, до слезотечения воняло хлоркой и нечистотами, потолок пестрел разводами, углы были испоганены выхаркиваемой туберкулезной желто-зеленой мокротой. Здесь не то что спать и есть – даже присесть на корточки было противно. Употреблять пищу в такой грязи, в запахах испражнений он не мог, поэтому предложил соседу:

– Давай почистим камеру?

Тот неохотно согласился. Они набрали воды и с хозяйственным мылом прошлись всюду, куда смогли достать рукой. Ришат работал спустя рукава, видно было, что он настоящий оболтус и лентяй. После уборки стало немного легче дышать. На ужин подали, как всегда, горьковатый рыбный суп. Ришат попросил две буханки хлеба. Хан угостил его колбасой, огурцом, сам не стал есть суп. Попил чай и тем довольствовался. И вот наступила самая страшная тюремная пора, когда время просто замерзало, останавливалось. Они рухнули в сплошную могильную тишину. Оказавшись в обездушенном, холодном пространстве железобетонной безысходности, Хан вдруг ощутил себя заброшенным и одиноким. Ведь до отбоя оставалось еще целых четыре часа! Не было ни книг, ни игр, ни телевизора, ни газет, ни чая... Куда себя деть? И такие часы повторялись изо дня в день – бесконечные, нудные, мучительные.

В один из таких мрачных дней, чувствуя, что вот-вот раздастся команда «Приготовиться к отбою», Хан решил заранее расправить постель, чтобы после крика «Отбой» скорее залезть под одеяло и уснуть крепким сном. Но не тут-то было. В камеру ворвался дежурный сержант и в ярости крикнул:

– Кто разрешил вам раньше времени расправлять постель?

– Никто! Я сам решил. А что тут противоправного? – зачем-то принялся упорствовать Хан, хотя и сам понимал, что, во-первых, дело это бесполезное,

во-вторых, любая адекватная, рациональная, человеческая мысль не приживется в этих стенах, будто отторгаясь самой системой, самым заведенным порядком вещей.

– Арестант! Вы не дома, а в СИЗО! Ну-ка заправьте постель! Время пошло!

Пришлось подчиниться. Пока заправлял шконку, подоспела команда «Приготовиться к отбою!», затем «Отбой!»

Хан стиснул зубы и залез под одеяло. В горле ощутил затхлый и прогорклый привкус. Точно сказано, что тюрьма – это храм, где дьяволы учатся молиться. Когда захлопывалась дверь камеры, вертухаю было невдомек, что он издевательски всаживает нож в арестанта. Конвоир не понимал, что, запирая Хана, стократно вызывает в нем лютую ненависть ко всем надзирателям, судьям, прокурорам, ментам и прочим мусорам! А сам Хан лишний раз уяснил для себя, что единственная победа, какую он сможет одержать над ними, – это не просто выжить и продлить свое существование в этих скотских условиях, но и сохранить достоинство, силу духа и волю. И он выживал вместе со своим молчаливым и нелюдимым соседом. Рядом с ним тишина как бы сгущалась, становилась невыносимой. Впрочем, иногда в безмолвии раздавался голос:

– Братан, можно я поем хлеба?

– Какие проблемы? Ешь сколько хочешь, – отвечал Хан.

Хан видел, как сосед тянулся за миской, брал буханку хлеба и, присев на корточки и прислонившись к стене, жадно ел всухомятку. Некоторое время Хан наблюдал за ним, потом ему это надоедало, и он возвращался в свои невеселые думы.

– Возьми колбасы, а то всухомятку подавишься, – предлагал Хан, всё-таки вспоминая о нем.

Ришат быстро уминал хлеб и опять смотрел на Хана.

– Ешь, ешь еще! Только не смотри на меня так.

«Да, не повезло мне с таким мрачным и неразговорчивым соседом!» – грустно подумал он в один из таких дней, неторопливо изучая каждую выпуклость и царапину на стенах камеры, выкрашенных в зеленый цвет. А тишина тем временем оживала, дьявольски превращаясь в зримую, разящую силу. Глубокая тоска безжалостно проникала не только в те места, куда легче всего войти: в сердце и голову, – но и, как душегуб-убийца, присасывалась ко всем его органам, втыкалась даже в промежность. Его грязные волосы твердели, пружинили, превращаясь в стальную проволоку. Это, скорее всего, случилось от безвыходного отчаяния и переживания за свое будущее. Да и собачий холод пробирал до костей. Неизвестно, каково было молодому арестанту, но Хан уже не мог терпеть такую стужу. Когда молчать стало невозможно, подошел к двери и иступленным голосом подозвал вертуху. Через несколько минут послышались ленивые шаги.

– Чё хотел? – пробубнил недовольный голос.

– Здесь очень холодно. Хотел зайти в каптерку за курткой!

К удивлению, открылись двери камеры, и они с соседом заполучили свои куртки. Стало немного теплее, но его снова обуяло плотное кольцо одиночества. Из соседа было слова не вытянуть, а до отбоя далеко. Что делать? Мышцы в отчаянии восставали против тесноты, требовали движения. И Хан начал мерить шагами отведенное ему для жизни крошечное пространство. Пять шагов в длину и два поперек! И когда он почувствовал полную опустошенность и ужасную усталость, прозвучала долгожданная команда «Приготовиться к отбою!». Минут десять отпускалось на эту приятную процедуру. Почистил зубы, вымыл лицо, расправил кровать, сверху одеяла бросил куртку, рукава подоткнул под матрац и ждал следующую команду. Наконец-то «Отбой!». Запрыгнув под

одеяло прямо в одежде, через несколько минут Хан заснул глубоким, мертвецким сном. Восемь часов сна всегда таяли мгновенно. Что еще делать арестанту? Среди тоскливых мыслей, скуки, безделья, холода и мучительной неизвестности сон оставался единственной блаженной радостью, восторгом бытия. Вот только он заканчивался и раздавалась самая ненавистная команда вертухая:

– Подъем!

Вставать не хотелось, в камере встречал лишь молчаливый сосед и несносная холодрыга. А в один из дней, надев очки, Хан увидел, что оконная стена блестит как каток и кое-где с потолка свисают тонкие сосульки. Приехали. Зима! Крестьянин торжествует!..

После завтрака вновь начиналось тупое заучивание «двенадцати апостолов» – ФИО и должность начальства. В камере их было только двое, по этой причине одному из них приходилось выкрикивать: «Начальник учреждения...», – второй бубнил фамилию, имя и отчество. И так шли по всему списку. Потом менялись ролями. Такой словесный онанизм продолжался около двух часов. А в коридоре в это время только и слышен был истошный рев Аубакирова: «605-й! Не слышу вас!», «612-й, и вас не слышу. Сейчас зайду, не дай бог не ответите мне!» После одиннадцати часов вертухаи несколько успокаивались. Кого-то из арестантов вели к следователю, кому-то выпала приятная свиданка, а у кого-то встреча с адвокатом. Вот и Хана дернули к адвокату. Пройдя все процедурные прелести: «стакан», «шмон» в «колокольне», – он попал в привычную комнату для встречи с юристом. На сей раз там ждал уже другой адвокат – Салимов, который рассказал, что в семье Хана всё нормально, пресса шумит, проснулась заграница. Салимов посоветовал Хану написать открытое письмо президенту.

– Напишите обо всём подробно. Завтра придет Амантай, постарайтесь незаметно вынести письмо и передать ему. Будьте только осторожны! Да, Ханеке, извините меня за то, что беспокою вас насчет денег... Что-то ваши ребята тянут с гонораром...

– Постараюсь написать. Ну а насчет гонорара – подождите. Я никуда не сбегу, оплатят, сейчас нелегко с финансами, – ответил Хан, и ему невольно пришла на память английская поговорка: «Совет адвоката ничего не стоит, пока за него не заплачено».

Несмотря на то что комната хорошо и надежно просматривалась через видео, Хану удалось передать ему под столом небольшое письмецо, адресованное жене. Ох, каких только трудов и нервов это стоило! Адвокат сообщил Хану неприятную весть:

– Городской суд Астаны оставил без изменения постановление следственного суда о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей сроком на два месяца. То есть наши жалобы были оставлены без удовлетворения.

– Значит, придется посидеть, – вздохнул Хан. Ничего иного он и не ожидал.

Попрощавшись с адвокатом, он вновь попал в руки конвоиров. Они прекрасно понимали, что арестант, идущий обратно, – это лакомый кусок для них. Обычно после свидания с адвокатом арестанты несут в своих карманах, в рукавах, в трусах и носках спрятанные сигареты, спички, конфеты, авторучки, нитки, аспирин – словом, тысячу мелочей, запрещенных к пользованию, но таких нужных в арестантском повседневном быту. Пошмонать такого «богача» сам Бог велел.

Шмон прошел благополучно, пройдя через «стакан», Хан вернулся в камеру. Сел за маленький столик и начал писать... Строка за строкой всё полилось само собой. Он писал быстро, еще бы, всё давно обдуманно, обсосано. Писанину спрятал надежно и стал ждать следующего дня. В своем обращении он напомнил о своих достижениях, заслугах и регалиях, посетовал на нарушения судеб-

ной системы, на то, что местная власть в регионах может отныне реагировать на справедливую критику в свой адрес именно так – репрессиями, и в конце просил содействия в освобождении. Следующий день, как и все предыдущие, начался муторно и безлико. Хан тоскливо ждал команды «По сезону» для встречи с адвокатом, но, увы, вместо этого прозвучало: «615-я, приготовиться в баню!» «Надо же, тут, оказывается, и баня есть!» – удивился Хан. Арестантов погнали по коридору. Так называемая баня находилась от них недалеко – рядом с каптеркой.

Вообще-то, это была вовсе не баня, а обыкновенный душ. Сначала попадаешь в сырой предбанник, что-то вроде раздевалки, полумрак одной лампочки, рядом небольшая комнатуха с огромным зеркалом середины прошлого века. Далее четыре душевые кабинки, из ржавой трубы льется прохладная вода, водосток работает очень плохо, да и слив тоже. Холодно. Напротив открытое зарешеченное окно в стене. Пол грязный, скользкий.

Народу набралось уйма, образовалась очередь. В полумраке на влажном полу, поскользнувшись, эски то и дело падали, вызывая хохот у других. Кто-то мылся, другой спешил выстирать белье, и в такой суматохе прошло около десяти минут. Тут раздался окрик конвоира о том, что пора заканчивать помывку. Все начали быстрее ополаскиваться. Хан, как человек, который прошел суровую школу интерната, армии, всю эту операцию под названием «баня» завершил быстро. За короткое время успел и помыться, и постирать. «Ну её в баню, такую “баню”», – подумал он после её посещения.

Тяжелая доля тюремщика

Хан решил поговорить своего соседа. Ришат рассказывал о себе неохотно. Если верить ему, парня задержали за неуважение к суду. До этого он попадался за воровство велосипедов. Сирота. Отца не помнит. Жил с родным братом, который прогнал его из родительского дома. Ночует где попало. Частенько в интернет-кафе, где можно играть хоть до утра. В основном занимается мелким воровством. Брат работает водителем у премьер-министра Сагинаева. Возит его семью. На служебной машине брат разъезжает по городу, калымит, даже доходит до того, что по ночам срывается на служебной тачке начальника в Атбасар, где сбывает наркотики. Машину премьера, благо, никто ночью не останавливает. Хан, конечно, не поверил его сказкам, но выслушал внимательно. На самом деле ему было всё равно, станет парень лгать или нет, важно было просто услышать его голос. У блатных на сей счет есть яркая и грубая поговорка, пронизанная глубоким презрением к задающему вопрос: не веришь – прими за сказку. На другой день Хана вызвали на встречу с адвокатом. Он надежно спрятал под нательное белье письмо президенту, для отвода глаз конвоира взял в руки старый тюремный журнал. К счастью, конвоир то ли не захотел его шмонать по полной программе, то ли поленился, поэтому письмо президенту удалось передать адвокату. Амантай сильно обрадовал его ответным письмом жены, которое Хан решил прочесть позже. Вернувшись в камеру, сразу услышал очередной призыв Аубакирова:

– Приготовиться на прогулку!

Что ж, на прогулку так на прогулку, пришлось отложить письмо на потом. Хан старательно занимался спортом на уличном холоде, когда дежурный сержант, стоящий за решеткой, крикнул его фамилию. Он подошел к сетке-рабице. Надзиратель смотрел на него недоверчиво и всё-таки спросил:

– Вы же ученый человек, не так ли? Вот скажите мне, в какой валюте советуется держать свои сбережения?

– Ну, над этой проблемой ломают головы все богатые люди! Конечно, в разных валютах.

– Я вот собрал все деньги и на них купил евро. Это надежная валюта?

– Еще какая. Эта же валюта многих европейских стран. Надежная, правильно сделали.

– А доллар?

– Доллар тоже надежная вещь. Но это валюта только одной страны – США. Он замолчал, думая, продолжить диалог или еще что-нибудь спросить.

– И много евро купили? – спросил Хан.

– Пятьдесят! А потом евро резко подорожало, в итоге я оказался в выигрыше – выручил на блок сигарет, – гордо ответил он.

– О, здорово! – улыбнулся Хан, чтобы поддержать его наивную предприимчивость и ребячливое самолюбие.

Конвоир поблагодарил его за консультацию и продолжил свою вахту. Вертухай в СИЗО, бесспорно, имел над ними довольно внушительную власть, к примеру, мог наказать, лишить прогулки, отказать в таких мелочах, как получение курева, передачи родных, посещение каптерки, бани, склада, где лежат арестантские продукты, и так далее. Хану было смешно и грустно. Смешно оттого, что конвоир рассуждал как пятиклассник. Грустно потому, что он был жалок всем своим существом, накопленным капиталом, цена которого измерялась жалкой суммой. Ему и другим надзирателям не позавидуешь. Они сутками находятся вместе с арестантами, дышат тем же воздухом, едят ту же пищу, им так же крепко достается от зажравшегося начальства, как сидельцам от них. Другими словами, они такие же ээки. При этом получают жалкие крохи, часть из которых вынуждены отдавать за арендуемую квартиру. И что там остается у них на детей, жену, на жизнь? И вот он, привыкший повелевать, кричать, возвращается домой со смены, а там полная неустроенность, дети сидят голодные, жена не работает, хорошей едой не пахнет из-за катастрофической нехватки денег. Что остается ему делать? Чтобы залить свою печаль, он покупает дешевую водку, выпивает, а назавтра идет на свою собачью работу. И всю злобу, недовольство жизнью, что у него накопились дома, разом вымещает на арестантах. Вот оттого они такие злые и ненавидят тех, кто успешнее, богаче их. Вроде короткий разговор, но Хан извлек из него серьезные выводы. К тому же печальные.

Сержант глянул на часы и дал команду:

– В корпус!

Дежурный по камере с веником в руках успел убрать окурки, подмести, и орава арестантов вбежала в здание корпуса. Вернувшись в камеру, Хан с нетерпением развернул письмо жены. Каждая строчка сквозила её заботой, любовью и беспокойством за него, а потому Хан был на седьмом небе от счастья. Какая же она умница! После таких теплых и обнадеживающих вестей сама по себе растаяла отвратительная тоска, от которой разило унынием и безысходностью.

Сидя в камере, человек много думает о прожитой жизни, о будущем. Хан понял одно: жизнь, даже самая плохая, невыносимая, состоит из смены радостей и горя, и не надо терзать себя дурными мыслями, воображая, что неудач больше, чем удач. Скоро он окончательно убедился в этом.

– Жумабаев, на выход!

Открылись двери, и его выпустили в коридор. Конвоир подвел его к двери кабинета, где он раньше не бывал.

– Зайдите! – услышал он голос за дверью.

Внутри Хан увидел мужчину лет тридцати пяти в гражданской одежде. Глянул и поразился: в тюрьме он впервые видел такое настоящее, внимательное, доброе лицо. Оно невольно возвращало к жизни, оставленной за стенами каземата, сверлило сердце сотней приятных воспоминаний.

– Присаживайтесь, будете пить чай? – участливо спросил хозяин кабинета.

– Спасибо, не откажусь, – ответил Хан.

В кабинете он учуял запах шикарного парфюма. И этим его собеседник тоже разительно отличался от своих коллег и подчиненных, распространявших вонь крепкого мужского пота и гуталина. «Блэк Опиум!» – разом определил Хан, уже давно отвыкнув от таких дорогих запахов. Хозяин кабинета улыбнулся и кивнул.

– Меня зовут Алихан Ахметов, я заместитель начальника учреждения, – представился он.

Хан промолчал, зная, что его ответ будет излишним.

– Я был в командировке, прибыл только вчера. Вот знакомлюсь с контингентом, вижу среди новеньких арестантов вашу фамилию... Как вы тут обживаетесь?

– Неплохо. С пивом пойдет, – невесело ответил Хан.

– Да попьете пивка еще, дай Аллах! Я знаю вас, читаю вашу газету. Нравится! Давно слежу за вашим творчеством. Теперь знайте, что в СИЗО есть человек, который не даст вас в обиду.

– Спасибо, Алихан, – произнес он, сделав глоток чая.

Они поговорили как давние друзья, потом Хана отвели в камеру. На душе было тепло и радостно. Но то была тревожная радость, сдобренная изрядной дозой ожидания предстоящих испытаний. Камера тем временем продолжала замерзать. Было не только холодно, но и сыро. На третий или четвертый день пребывания в этой каменной клетушке у него заболело горло. Это была не ангина, а другая болезнь: гланды ему удалили еще в студенческие годы. Куртка не спасала, поэтому он решил воспользоваться вафельным полотенцем вместо шарфа. По вечерам Ришат прямо выходил из себя, злился:

– Слышите, эти блатные буржуи из 602-й камеры отказываются от ужина?! Говорят, что там коммерческая камера, там всё есть, начиная от телевизора и кончая магнитофоном.

– Да не парься, Ришат! Нет там никакого телевизора, в СИЗО не может быть коммерческой камеры. Просто там сидят состоятельные мужики, которым часто приносят передачи. Это раз. Во-вторых, они давно там сидят. Обжитые, – успокаивал он молодого арестанта. На самом деле аромат, долетавший до них, был сухой пыткой. Никогда еще запах пищи не казался таким манящим и навязчивым, олицетворяя всё недоступное и соблазнительное, что Хан потерял в жизни.

– Слышите, там в нарды режутся?! – с ядовитой завистью возбудился Ришат.

– Ну и что? Скоро и у тебя будут такие игрушки.

Хана угнетало то, что у них с Ришатов не было никакой «обратной связи». Тот умел только слушать, не возражая, не споря. А Хана это раздражало. Он говорил словно с пустой стеной. Иногда даже упрекал себя, мол, надо осознавать и его положение, знать, что привело его к такому падению. Думал о героях Достоевского... Но ему так и не удалось вызвать в себе простого сочувствия к соседу. Просто по своему развитию и поведению это был червь или, как сейчас выражаются, овощ. Хотя сам он не понимал, что это такое. А когда от безделья и тоски становилось вовсе невмоготу, когда Хан сходил с ума от уныния и беспросветности, его спасением были любимые стихи, которые удивитель-

ным образом помнились там, где многое уходило в забвение. Хан громко читал вслух Олжаса Сулейменова, Евгения Евтушенко, Римму Казакову, Абая, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Бахыта Кенжеева. Именно в поэзии он находил душевную разрядку. Стихи были единственной отрадой и успокоением, именно сила поэзии помогала оживлять то, что было подавлено душевной усталостью, унынием, холодом, бесконечными унижениями и болезнью. Голос у Хана был не сильный, но доходил до соседних камер. Особенная тишина устанавливалась в 602-й, где сидел Айтказы Сатаев и его сокамерники. Там на время затихали громкие споры и разговоры, прекращались всякие шумы и звуки настольных игр, которые ясно доносились до них. Однажды после обеда, в неположенный час, вдруг загромыхали засовы, и в их камеру ворвался майор Мурат Сахиев, который несколько дней назад посадил Хана в карцер. Его сопровождали офицер и сержант Аубакиров.

Арестанты, как положено, отрапортовали. Но глаза майора были налиты такой злобой и свирепостью, что Хан сразу всем нутром почувствовал: не зря он сюда зашел. Видимо, хотел обвинить в чем-то и снова засадить в карцер. И вдруг майор нашел такую зацепку!

– Что за форма одежды? – спросил он, сверля Хана инквизиторским взглядом.

Особенно пристально и долго майор смотрел на его лоб, словно силясь что-то там прочесть, секретное и тайное. Его сильно раздражало полотенце, которым арестант обвязал шею, оберегая горло от холода.

– Болею. В камере очень холодно! – объяснил Хан.

– Всем холодно! – злобно улыбнулся майор. – В карцер его! Чтобы помнил о соблюдении формы одежды арестанта!

Майор еще раз внимательно осмотрелся и, убедившись, что везде порядок, нехотя покинул камеру. Его ехидная улыбка вызвала в душе такой запал ненависти, что Хан готов был разорвать его на части. Последним уходил сержант Аубакиров. Он подмигнул Хану и прошептал, что всё уладит. Хан только мысленно сплюнул. Ему было не до этого – горло першило, голова раскалывалась, температура. Было паршиво и на сердце, и вообще.

Очные ставки

На дворе стояли последние дни морозной, сырой осени. В непрозрачное небольшое оконце нагло ударяли снежинки. Завывал порывистый ветер. А здесь, в камере, стояли мрак, холод, несусветная тоска. Всё происходящее с Ханом было слишком нелогично и абсурдно, чтобы длиться так долго. Ему твердо верилось, что вот-вот развеется это чудовищное недоразумение, широко откроются двери ненавистой камеры, и он обретет свободу. Эта легкая надежда поддерживала его и придавала хотя бы некоторую бодрость.

В один из вечеров после ужина в коридоре было необычно шумно, всё гудело. Хан выглянул в глазок. Там переминались с ноги на ногу несколько охранников. Пара десятков арестантов на корточках сидели вдоль стен – в профессиональной позе всех заключенных. Хрупкие зэкские спины, изжелта-коричневые понурые лица, синяки под глазами. Перед каждым из них лежали свернутый матрац, личные вещи в баулах и сумках. Сержант Аубакиров держал торжественную речь:

– Ну вот, закончились дни пребывания в карантине. Вы прошли суровую, но необходимую школу для дальнейшего пребывания в СИЗО. Сегодня мы вас отправляем по корпусам, там более мягкие условия, можно курить, пить чай, играть в настольные игры, читать газеты и книги. И самое главное – там по-

зволяется послеобеденный сон. Прошу всех вас помнить о карантине, школе, которую вы здесь прошли. Не подводите меня. Нарушите там порядок и дисциплину – вернут назад! Всё поняли?

– Да, поняли! – дружно прогремели довольные голоса арестантов.

«Ведут себя так, будто их выпускают на волю!» – невольно усмехнулся Хан.

Посмотрел в глазок: там среди арестантов стояли и Айтказы Сатаев с сыном Ахметом. Вскоре они, чьи-то сыновья, мужа и отцы, поддерживая спадающие портки, сопя и матерясь, почесывая срам, натужно кашляя, подгоняемые матерными окриками надзирателей, покинули здание карантина. Стало как-то даже грустно.

– Жумабаев, с вещами на выход! – вдруг послышалась команда дежурного сержанта, как только за арестантами закрылись двери.

Ох, как он ненавидел эти слова: «С вещами!» Они безжалостно вклинились в повседневную жизнь, срывали с места и кидали черт знает куда и к кому – в неизвестность! Постоянные переводы из камеры в камеру очень сильно нервировали и утомляли. Только привык к соседям, к их привычкам, к койке, обстановке, и опять неожиданный и рваный переезд, равный двум пожарам! Ты превращаешься просто в вещь, мебель в руках тюремного начальства, которое передвигает тебя, как ему заблагорассудится. Словом, каждый раз, меняя камеру, арестант падал в безымянную пропасть. А что там – никто не знал! Хан собрался в пять минут. Уже привычно свернул матрац в трубу, увязал и застегнул баул. Открылась дверь, и его перевели в противоположную камеру-четырёхместку. Там было пока пусто. Он прежде всего подумал о бедном Ришате, как-то жалко было оставлять этого паренька-недотепу, которого подкармливал своим небогатым пайком. Что будет с ним? Какая судьба его ждет? Теперь в камере Хан был один. Почувствовал себя свободно, вольно, хорошо, осознав, что впервые за последние пятнадцать дней оказался абсолютно один. От этого-то и стало приятно. Хан и на воле любил время от времени уединиться, чтобы собраться с мыслями, подумать о планах, если надо, то и осуществить свои интимные дела. И тут в камере никто его не отвлекал, мысли текли спокойно и гладко, было тихо. Оглядел камеру. Прямо в середине продолговатой стены висело небольшое зеркало. Хан невольно двинулся к нему, потому как полмесяца не видел своего отражения. В безмолвии и одиночестве взглянул и не узнал себя. На него глядел чужой человек – худой, заросший седой щетиной, прямо старикан какой-то. Выглядел он совсем плохо. Выходит, тюрьма побеждала его. Кожа приобрела нездоровый землистый цвет, под глазами – мешки. Мышцы лба и щек утратили обычную подвижность, из тусклого зеркала смотрел усталый, озлобленный человек, колющий взгляд которого говорил о многом: о незаслуженной обиде, о тщетности убеждений и бесполезности трудов адвокатов.

Да, Хан стал другим. Он слабел, а его враги в лице следаков и вертухаев только крепили. Стало ясно, что очень скоро он может потерять здоровье, проиграть окончательно и отсюда напрямик попасть в зону строгого режима. Может быть, он выдержит и холод, и голод, и приступы отчаяния, болезни, но куда денет терзающую нутро глубокую тоску по детям и жене? Тут, в тюрьме, ох как торжествовала идея изоляции! Она просто царила! Для подавления людей здесь было всё продумано до мелочи, так изощренно, с таким дальним прицелом! Снова с шумом открыли двери камеры и впустили... Ришата. Бесспорно, он был рад встрече со своим сокамерником.

– О, здорово! Ты опять со мной! А то я переживал за тебя! Кто знает, к каким уркам попадешь?! – радушно встретил он соседа и указал ему на нижнюю шконку, которую предлагал занять.

В этой камере было намного теплее, чище, чем в двухместке. Так что им не пришлось убирать и чистить, как в предыдущей. Как говорится, что бы ни случилось, всё к лучшему! Хана почему-то перестали вызывать на допрос. А дни шли за днями, тюремные будни обретали некий ритм: подъем в шесть, уборка, туалет, завтрак, утренняя проверка, заучивание имен начальников, обед, прогулка, ужин и сон. Когда Хан начал думать, что следователь Сабиров забыл о нем, выяснилось, что нет, не забыл! Хана срочно привезли в здание Антикоррупционной службы. Следователь встретил его любезно, прямо как родного брата.

– О! Вас подстригли?! Как самочувствие?

– Лучше всех! – угрюмо ответил Хан, сразу погашая его лучезарную улыбку, которая ну никак не гармонировала с его собственным настроением.

Сабиров, очевидно, по случаю видеосъемки с чиновниками из областей, которых он по повестке вызвал для очной ставки, был облачен уже не в заношенный костюм, а в довольно новый, иностранного производства. Первым на допрос ввели молодого человека в черном. Его Хан видел впервые. Оказалось, это заведующий внутренней политикой Восточной области. Видно было, парень сильно волнуется: руки дрожат, глаза бегают, старается не смотреть по сторонам. В кабинете ждали Хана и его адвокаты. Сама очная ставка прошла так же, как и предыдущие. Молодой человек заявил, что Хан сам с ним связался и предложил, чтобы его газета работала в их регионе для освещения объективной информации, и закончил словами: «Ты же знаешь меня, ты парень умный, делай как надо». Выслушав всю эту путаную ерунду, Хан, посоветовавшись с адвокатом, даже не стал отвечать. На следующий день его вновь привезли к следователю на очную ставку с неким Сериком Жумабековым. Хан с ним не был знаком. Как выяснилось, тот являлся представителем акимата Восточной области. Рассказ его изобиловал таким количеством подробностей и уточнений, что даже Хану стало скучно это слушать, в то время как следователь скрупулезно записывал в протокол каждое слово, как потом выяснилось, еще и добавляя от себя. Хан опроверг каждое слово, сказанное липовым свидетелем, назвав всё наговором и клеветой. Жумабеков, в свою очередь, заявил, что Хан лжет, а в его словах всё истинная правда. Следователь записал и это. И всё это были одни бесконечные слова, ни малейшего подтверждения, ни единого документа, даже тени доказательств никто не то что не мог, а и не пытался представить. Только следователь всё писал и писал бессмысленные, бессвязные, полные орфографических ошибок протоколы...

Окончание в № 11, 2024.